

Татьяна Булатова

Мифы и рифы летнего отдыха, или Крымское ревю

*Часть сборника
Мама тебя любит, а ты её
бесишь! (сборник)*

Татьяна Булатова

**Мифы и рифы летнего
отдыха, или Крымское ревю**

«Автор»

2016

Булатова Т.

Мифы и рифы летнего отдыха, или Крымское ревю /
Т. Булатова — «Автор», 2016

«Начнём с мифов. Где, когда и при каких обстоятельствах родилась идея об отдыхе в Крыму, сейчас выяснить невозможно. Важно, что она оказалась жизнеспособной. Аргументы «за» носили неопровержимый характер. И немудрено. Любовь к Крыму теплилась в будущих путешественниках годами, ибо была окрашена обаянием юности и красоты. Теперь о юности остались воспоминания, а красота явно нуждалась в поддержке, отчасти хирургической, отчасти финансовой. Именно финансовый вопрос, как в конечном счете выяснилось, и определил маршрут путешествия. Оно виделось малозатратным и многообещающим...»

© Булатова Т., 2016

© Автор, 2016

Татьяна Булатова

Мифы и рифы летнего отдыха, или Крымское ревю

Начнём с мифов. Где, когда и при каких обстоятельствах родилась идея об отдыхе в Крыму, сейчас выяснить невозможно. Важно, что она оказалась жизнеспособной. Аргументы «за» носили неопровержимый характер. И немудрено. Любовь к Крыму теплилась в будущих путешественниках годами, ибо была окрашена обаянием юности и красоты.

Теперь о юности остались воспоминания, а красота явно нуждалась в поддержке, отчасти хирургической, отчасти финансовой. Именно финансовый вопрос, как в конечном счете выяснилось, и определил маршрут путешествия. Оно виделось малозатратным и многообещающим.

Обещались: дешевизна отдыха, мягкий климат, чистое море, полное оздоровление, аренда машины, слизанный с турецкого сервис, тёплая компания и многое другое. Как склонен человек к мифотворчеству! Невзирая на возраст. Невзирая на опыт. Невзирая на пол. Мифы творят и женщины, и мужчины, и дети. Одним словом, все люди делают это. И в нашей истории их было четверо.

Женщина затридцатипятилетнего возраста, она же мать семилетней девицы, она же – младшая сестра и координатор предстоящего путешествия.

Её дочь. Сгусток энергии, стихийный демагог и вечный мучитель с ангельским выражением лица.

Старшая сестра – жительница Москвы, склонная к авантюрам и поэтическим метафорам одновременно.

А также зять, излучающий молодость и интерес к жизни, забывший о своих шестидесяти пяти.

По телефону родственницы определили объём затрат, маршрут и цели предстоящего путешествия.

– В Крыму дорого, – сообщила старшая.

– Ну не дороже, чем в Турции, Греции (далее перечислялись известные места отдыха), – парировала младшая. – Зато там климат подходящий.

– Можно машину взять и попутешествовать.

– Можно, конечно. Я, например, в Воронцовском дворце не была, Новый Свет не видела. Телефонное чириканье продолжалось часами.

Но и конкретные действия тоже пришлось осуществлять: поиск гостиницы, покупку билетов, сортировку вещей для поездки и т. д.

Как ни странно, определиться с гостиницей оказалось труднее всего. Мешали либо цена, либо отсутствие мест, либо несоответствие требованиям. Складывалось впечатление, что в Крыму найдётся место каждому, но только не им. Ситуация разрешилась неожиданно: всплыла таинственная вилла с поэтичным названием «Эмма». У неё был свой интернет-образ: респектабельные коттеджи утопали в цветах и зелени. Из интернет-пространства струился запах роз. От бассейна веяло прохладой. И до пляжа было всего 800 метров, столь необходимых для поддержания физической формы отдыхающих.

Червь сомнения периодически вгрызался в сердце Женщины: «Вилла – она моя. Женский род. Единственное число. Пишут – четыре коттеджа. Значит, должно быть «виллы». Восемьсот метров по жаре? Если человек движется со скоростью 5 км/ч, значит, где-то 15–20 минут ходу. Нормально. Физическая нагрузка не помешает».

Если бы желание было менее сильным, потребность в отдыхе более слабой, стремление вырваться из семейного гнезда менее отчётливым, червяк наверняка бы уел трепетное женское

сердечко. Но мотивация будущей курортницы была столь чёткой, что червь обернулся личинкой, которую сожрала прекрасная птица Надежды. Она буквально приплясывала на руинах своих сомнений и поддразнивала мужа предстоящей свободой. Дочь, сама того не ведая, подливала масла в огонь и обещала отцу феерическую гастроль в обнимку с дельфинами. Одним словом, бешеным собакам семь вёрст не крюк.

В Москве была своя программа. Состояла она из двух частей: стойкая оборона и быстрая капитуляция. Оборонялся зять, переименовавший Крым в СФРЮ и выставивший одно условие за другим. Сначала – не поеду вообще (сервис – дерьмо), потом – не поеду на поезде, потом – не поеду в плацкарте. Поехал. Капитуляция носила молниеносный характер. Договор венчала запись: «На всё согласен».

Выезжали в разное время. Мать и дитя – раньше. Сестра с зятем – позже. Но если первые к моменту выхода из дома были собраны и сосредоточены и в сто первый раз проверили билеты, паспорта, ваучер на расселение, то вторые просто забыли о дате отъезда и накануне неплохо провели время в гостях. Спасибо прибывшей уже в крымский рай младшей сестре, которая так некстати, но как выяснилось, очень даже кстати, позвонила старшей, выдернула её из сна и поинтересовалась, а готовы ли родственники отправиться в дорогу. Внятно те ответить не могли.

Сборы москвичей происходили в рекордные сроки: за полтора часа до поезда. Тем не менее на него они успели: с документами, но без еды, без воды и, возможно, без денег. Скажем так, без достаточного их количества.

В общем, встрече на Эльбе, то есть на «Эмме», было предназначено состояться. Таинственная крымская вилла была обозначена как центр Земли, дорога к которому и трудна, и опасна, и жутко утомительна.

«Наш паровоз, вперёд лети...»

Это только так в песне поётся, а на деле скорость полёта оставляла желать лучшего. Лучшего оставляло желать и многое другое: бельё, попутчики, запахи и вид за окном. Последний вызывал чувство легкого недоумения («чё так грязно-то?») и подрывал нежную любовь к родине.

– Мама, нам бельё дали серое и сырое.

– Ну-ка покажи.

Действительно, стопроцентное женское зрение даже в полумраке смогло разглядеть описанные выше недостатки. Серое – не чёрное, крепилась мать, но дочь не унималась:

– Я на этом спать не буду. Мне брезгливо.

– Мне тоже брезгливо.

«Нравится не нравится – принимай, красавица!» Весь облик проводницы свидетельствовал о том, что свои отношения с пассажирами она строит именно в соответствии с данным принципом. Главный человек вагона с надоедливой тёткой спорить не собирался и все посягательства на честь российских железных дорог отметал в одночасье:

– Чё вы, женщина, возмущаетесь? Такое бельё. У всего вагона оно такого цвета. Не только у вас.

– Может быть?..

– Ничё не может быть. Я и так вам дала свой личный комплект. Вам и вашему ребёнку. Даже спасибо не сказали.

Как-то не выдавливалось это «спасибо». Хотя, конечно, проводница шестого вагона поезда «Казань – Симферополь» не виновата. «Боже, кому жаловаться?!» – возопила про себя наша героиня и побрела стелить постель.

– Мам, ты поменяла бельё?

- Поменяла.
- Оно снова серое.
- Какое есть.
- Надо было с собой брать! – с укоризной заметила дочь.
- Да... А тебя дома оставить.

Девушка задумалась. И изрекла: «Мне нужно море. Впереди – новый учебный год». Фразы семилетней девочки напоминали вердикт присяжных – «ПОЖИЗНЕННО». «Скорее бы, что ли, дети начали просыпаться», – забила в надежде мать-героиня. Наивная. Она не ведала, что в тот момент, когда молодое поколение вагона вступит в дружеский контакт, рухнут все её планы на «подремать», «почитать», «чаёк попить», «поваляться».

- Мама, знакомься. Это моя подруга Мадина.

На пороге купе стояла девочка восьми-девяти лет и пристально, несколько не смущаясь, смотрела в рот женщине.

- Очень приятно, Мадина. Проходи. Присаживайся.

Дальше дорожный этикет требовал проявления гостеприимства в виде угощения. Дочь была с этикетом на «ты»:

- Сыр хочешь? Копчёный?
- Не, мне нельзя. У меня желчный.
- Чего у тебя?

– Жи-элчный, – повторила Мадина. И затараторила: – Мы едем в Симферополь с мамой, папой, сестрой и бабушкой. Мама работает в химчистке. И сестра тоже работает в химчистке. А вечером ходит в ночной клуб. И мама её ругает. А где ей ещё тусоваться? Меня тоже в химчистке все знают. Можно я печенье у вас возьму? Вы-то сами куда едете?

– Бери, деточка, – выдавила из себя ошарашенная мать-героиня. Но на вопрос ответить не успела, так как отвлеклась, увидев широко распахнутые глаза дочери. В них стояла зависть. Как загипнотизированная, она смотрела на ноги своей дорожной приятельницы. Мать, отследив траекторию детского взгляда, поняла, что вызвало столь сильные чувства в её детёныше. Ногти на ногах у Мадины были выкрашены лаком флюоресцентного ядовито-жёлтого цвета. Это были сигнальные огни взрослой жизни.

Обладательница космического педикюра несколько не смутилась, а даже обрадовалась и выставила свою смуглую ногу с грязными пятками вперёд.

- Это мне сестра нарисовала. У неё тоже так же.

«Хороша сестричка», – подумала наша героиня и не ошиблась. В купе неожиданно померк солнечный свет – в дверях стояла гора. Точнее, грудь. Из-под которой выглядывали ноги с нашлапками ногтей, покрытых уже знакомым ядовитым веществом. Гора засипела:

- Давай, иди, мать зовёт.

Мадина протиснулась в просвет между скалами и, обернувшись, пообещала:

- Счас поем и приду к вам.
- Мама, ты видела?! – выдохнула поражённая дочь.
- Видела. И что?
- Так красиво, мам.
- Несколько не красиво. Безвкусно. Пошло. Вульгарно.
- Да? – с облегчением спросила девочка.
- Даже не сомневайся.

Дочь поднесла к лицу руку с обгрызанными ногтями и философски изрекла:

- В моде всё натуральное.
- «Интересно, откуда она черпает эти лозунги?» – задумалась мать.
- Кто это тебе сказал? Бабуля, что ли?
- В журнале прочитала.

– В каком это журнале ты прочитала?

– В твоём.

«Она внимательнее, чем я думала», – обрадовалась мать-героиня и взяла дочь за руку.

– Мама, купи мне лак.

– У тебя есть.

– Я такой не хочу.

– А какой ты хочешь?

Девочка на секунду зажмурилась:

– Как у тебя.

– Детям нельзя пользоваться ярким лаком.

– Ну ты же пользуешься, – не сдавался ребёнок.

Разговор заходил в тупик. Аргументов становилось всё меньше, а психологическое давление на мать всё сильнее.

– Ну я-то ногти не грызу.

– Я тоже.

– И давно?

– Ну, уже со вчера не грызу. Вот, посмотри.

Дочь протянула руку, растопырив пальцы. Мать перебирала их, тщетно пытаясь обнаружить хоть на одном светлую каёмку целого ногтя. Поиск не увенчался успехом, и это означало победу. Последний аргумент не нуждался в словесном подтверждении.

– Видишь, ни одного целого.

– Значит, не купишь? – исподлобья посмотрела дочь.

– Почему не купишь? Куплю.

Девочка не поверила своим ушам:

– Когда?

– Когда ногти грызть перестанешь.

– Ну на одном-то можно? – пыталась удержать позиции девочка.

– Нет.

Вытянувшись на полке и взяв в руки журнал, мать продемонстрировала окончание беседы, и девочке ничего другого не оставалось, как отправиться по вагону в поисках новых знакомств.

– А где ваша дочь? – строго спросила отобедавшая Мадина.

– А разве она не с тобой?

Та крутанулась вокруг своей оси и чётко сказала:

– Нет.

Наша героиня лениво поменяла положение «лёжа» на положение «сидя». Лучше бы она этого не делала, потому что прокурор с флюоресцентными ногтями понял смену позы как сигнал к началу допроса:

– А вы куда едете?

– В Симферополь.

– Отвечать было лень, молчать – не позволяло воспитание.

– Зачем?

– Отдыхать.

– Вы без мужа?

Прямота вопроса обескураживала. Мадина начинала раздражать. Пора было брать инициативу в свои руки:

– А вы?

– Я выйду замуж в восемнадцать, – нисколько не смутилась младшая подруга.

– Слушай, деточка, а ты не хочешь пойти поискать свою пропавшую подружку? – тактично попыталась выжить женщина-мать чужое дитя. Ей хотелось уединения. Она не любила чужих детей. Ей было достаточно общения с собственным чадом, которое, кстати, испарилось в неизвестном направлении.

– Нет. Сама придёт. Это ж поезд! Куда она денется-то?

Мадина не собиралась трогаться с места. Ей здесь нравилось. Здесь её слушала взрослая женщина, которая руками не размахивала и в коридор не выгоняла.

Наша героиня отодвинула в сторону не умолкавшую ни на минуту попутчицу и вышла в коридор. Внимательно прислушавшись к голосам, она безошибочно двинулась к последнему купе. Именно там обреталось пропавшее дитя: обдало и вело светскую беседу с такой же обалдевшей мамашей.

– Извините. Моя девочка вас, наверное, утомила?

– Да нет, что вы, – тактично, но не твёрдо ответила ей попавшая в переплёт соседка.

– Давай домой.

– Подожди, я доем, – с набитым ртом квакнула лягушка-путешественница. И засунула в пасть кусок чужой курицы.

– Пойдём, – не сдавалась разрушительница детского счастья.

С неохотой поднявшись, дочь буркнула «спасибо» и пригласила новую подружку к себе в гости. Та не сопротивлялась. Мать её – тоже. «Долг платежом красен», – подумала наша героиня и подтвердила приглашение.

Теперь в её купе переселилось ещё несколько человек: собственная дочь, мечтающая выйти замуж в восемнадцать лет Мадина и ещё рыжеволосая, вся покрытая веснушками девочка.

Младоокупанты присутствия взрослого не стеснялись, активно кормились, требуя всё новой и новой еды. Сыр, печенье, кальмары, мясо, огурцы, помидоры исчезали на глазах. Запас съестного, предназначенный для потребления в течение двух суток, был уничтожен тремя термитами в мгновение ока.

Будущее виделось в мрачном свете: голодная смерть протягивала костлявые руки и щёлкала костяными пальцами. Видение наполнялось всё новыми и новыми образами. В нём мелькали смуглые ноги с флюоресцентными ногтями, рыжие размахившиеся косы, протягивающая руки дочь, горы еды в витринах магазинов, проводница с двадцатью стаканами чая и много чего ещё эфемерного и неуловимого.

«Какого хрена я терплю это безобразие?!» – возмутилась наша героиня и подозвала дочь. Той явно было некогда, и она уже было собралась отмахнуться, как увидела, что выражение материнского лица посуровело не на шутку.

– Ты чё, мамуль? – подобострастно пропела девочка.

– Подойди ко мне.

Дочь с готовностью заглянула в материнские очи и замерла.

– Забирай своих подруг и дуйте в коридор, – прошипела мать.

– Почему это?

– Потому это. Я спать хочу.

– Мам, в коридоре неудобно. Там сесть негде.

– Постоишь. На худой конец сходите в гости в другие купе.

– К ним нельзя. Там взрослые отдыхают.

– Замечательно! А мне детский сад до самого Симферополя!

– Мы же тихо.

– Считаю до трёх.

Эту фразу девочка не любила. Её семилетний опыт подсказывал: коли мать приступила к счёту, нужно бежать как можно скорее. Ребёнок решил не рисковать и вывел свою команду в необжитое пространство коридора.

Наша героиня натянула на голову простыню и заснула.

Сон был короткий: духота и громкий шёпот заглядывающих в купе детей сделали своё дело. Открыв глаза, героиня вздохнула и смирилась с предложенной дочерью программой: еда – еда – еда, дети – дети – дети. «Надо было покупать билеты на самолёт!» – со злостью проговаривала она про себя. «Дорого», – возражал её здравый смысл. «Зато быстро».

Однако изменить что-либо уже было нельзя. «Ладно, доедем», – миролюбиво подумала путешественница и в очередной раз заснула. Крепко.

«Лучше гор могут быть только горы...»

В прелести гор нашей героини всегда хотелось усомниться, ибо боязнь высоты преследовала с подросткового возраста.

Крым был в её жизни два раза. В первый потряс не столько величиной гор, сколько поэтическими названиями: «А-ю-даг», «Ка-ра-даг...». Второй смутил окончательно.

По дороге с Симферопольского вокзала на загадочную виллу в тридцати километрах от Судака она для приличия, дабы поддержать разговор, обратилась к словоохотливому шофёру Саше: мол, у вас здесь горы, сложные дороги – серпантины, пропасти, обвалы. На что невозмутимый крымчанин, не поворачивая головы, ответил:

– Какие горы? У нас здесь степи.

«Ура! – возликовала в душе путешественница. – Значит, в пропасть не уронят и до виллы доведут».

Стало спокойно, но ненадолго. Ибо картинка увитой плющом виллы, подсмотренная в Интернете, не имела ничего общего с тем одноэтажным баракком, в котором находился купленный за глаза номер. Вот только он, единственный, и напоминал своего интернет-близнеца.

КАК ХОТЕЛОСЬ ПРИЗВАТЬ К ОТВЕТУ! Желание было сродни испепеляющей страсти.

Где та злополучная туристическая фирма, владельцу которой хотелось бросить в лицо – **СВОЛОЧЬ!**

Пришлось, сдерживаясь изо всех сил, выдвинуть ряд требований, невыполнение которых каралось привлечением СМИ в целях антирекламной кампании. Представившись корреспондентом «Комсомольской правды», курортница, конечно же, блефовала. Но блефовала мастерски. В итоге в номере появились чайник, два кресла, журнальный столик.

Утром с балкона взору нашей героини предстала не только стройка, над которой чиркали воздух ласточки, но и горы, по виду напоминающие тренажёры для курсантов-танкистов. Того и гляди дуло из-за пыльного куста выглянет. Вот так горы! Эх и горы! Развеем миф – пошли домой.

По дороге на пляж наша героиня осторожно спросила сидящую у окна дочь:

– Ну и как тебе горы?

– Какие горы?

С точки зрения последней и разговор-то вести было не о чем.

Тем не менее дорога, ведущая на пляж, горы, его окружающие, каменистые мысы, разрезающие морскую гладь, курортницу странно волновали, вызвали в ней чувство восхищения, манили. Поверхность их казалась плюшевой. Кустарник, покрывающий их местами, напоминал свалывшиеся места на вышивке гладью. И вот что интересно: раз от разу горы словно увеличивались в размерах, становясь всё величественнее и загадочнее. Их хотелось фотографировать (что она и делала многократно), от них трудно было оторвать взгляд, если только не

обратив его к морю. Даже «домашние» (видимые с балкона) горы и те включились в процесс превращения из тренажёров в гордые вершины, хотя и компактных по отношению к местному ландшафту размеров.

И впрямь выходило, что лучше гор могут быть только горы.

О хлебе насущном

Истерика первых дней пребывания на вилле близилась к завершению. Стало ясно, что надвигается голод.

Завтрак разнообразием не отличался. Это была монастырская трапеза, подаваемая в потрескавшейся и плохо вымытой посуде. Дочь брезгливо водила ложкой по тарелке, кривила мордашку и укоризненно посматривала на мать:

– Я не могу это есть.

– Не ешь.

Героиня наша культа еды не признавала, но от этого сытость по телу не разливалась. Зато из него исчезали жировые отложения. Вместе с жизненными силами. «Надо что-то делать!» – решила она и подалась к старожилам за советом. Те смотрели на вещи проще и рекомендации давали охотно: «Надо ехать в Судак на рынок. В городе заодно и пообедаете». Так мать обрела под ногами твёрдую почву, дочь – необходимый объём витаминов, а холодильник – плотно утрамбованное содержимое.

В очередной раз они отправлялись в Судак обедать, потому что бестолковая девочка приглашала подруг, и те смели трёхдневный запас фруктов и сыра. И конечно же, дочь манили очки для плавания (были обещаны в момент утраты бдительности), а мать – тарелка супа.

Да уж, не европейская девочке досталась мамаша: сердце просто сжималось при мысли о чипсах. Ещё больше оно сжималось при мысли об испорченном детском желудке, который уже давно перестал соответствовать обещанным рекламой размерам – «меньше напёрстка». Если же судить по количеству просьб, произносимых в минуту, то размеры этого «напёрстка» впечатлят любого не обременённого детками индивида. Туда с легкостью помещался следующий набор: чупа-чупс, пахлава, мороженое, котлета, кукуруза, йогурт, стакан ежевики, слойка с сыром, пампушка, персик, виноград, дыня, лимонад с впечатляющим названием «Живчик» – в любом объёме. В общем, всего не перечислишь.

Если девочка спрашивала: «Можно?», то мать отвечала: «Нельзя». Когда аргументов не хватало, материнский взор утрачивал нежность, а изо рта вырывался металлический клёкот. Наверное, нос матери удлинялся, превращался в подобие клюва, а сама она из курицы – в орлицу. Девочка эту метаморфозу ощущала мгновенно, пугалась и предпочитала ретироваться от греха подальше. И тогда процесс обращался вспять. И так в течение дня происходило неоднократно. Таковы были условия игры, не подлежащие отмене. По-другому мать и дочь общаться не умели. Правда, иногда между ними возникала идиллия. Длилась она, как это водится, недолго. Но именно этот факт делал их существование исполненным смысла.

Так вот, приехав в Судак, они оказались у входа в кафе быстрого питания под символическим названием «Перекрёсток».

– Что ты будешь, деточка?

– Макароны, пюре и тефтели.

– А супчик? Куриный, с вермишелькой, как ты любишь.

– И супчик, и пампушки, – невозмутимо добавила девочка.

Стоящие рядом знакомые по вилле переглянулись и вовремя уточнили:

– А попить?

– И попить. Сок. Мультифруктовый.

Мать загрустила, ибо представила свой похудевший кошелек и расцвеченный несъеденными яствами стол. Мягко спросила:

– Ты уверена?

– Конечно, мамуля.

Прогноз оправдался: золотистый бульон сиротливо плескался в белоснежной пиале, пюре застыло, пампушка обгрызенным боком подмигивала с хлебной тарелочки.

– Больше не могу, – выдавила девочка.

«Я тоже», – подумала мать.

– Пошли очки покупать. Плавательные.

«Ага, не забыла», – отметила про себя путешественница и, вздохнув, взяла дочь за руку. «Не горячая, слава богу».

– Пошли, обжора.

«Ох вы, кони мои, кони...»

Развлечений в Крыму оказалось гораздо меньше, чем предполагали путешественники. Вариант с многочасовыми экскурсиями был отмечен без обсуждения. Чехов и Ялта, Голицын и шампанское, Воронцовский дворец, Ливадия, Генуэзская крепость, Карадагский заповедник, Севастополь – ничего не возбуждало. Дочери было «по балде», и понятно почему: в свои семь лет она была дремучим созданием и, кроме кинотеатра, боулинга и кафе, ничем не интересовалась. Мать было вострепелась от звуков названий туристических святынь, но быстро остыла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.